

КНИГА и телевидение... Мировая классика — в духовном рациональном современном... Эти и другие, связанные с ними вопросы горячо обсуждают сегодня философы, психологи, литературоведы.

Идя к Игорю Владимировичу Ильинскому, который в качестве драматического артиста, чтеца, режиссера постоянно обращается к классической сохранившейся, я решила, что в первую очередь спрошу о том, как, на его взгляд, воспитать в человеке особое понимание книги и сохранит ли литературная классика великую способность потрясать умы и сердца в «век информации».

— Любовь человека к книге, — говорит Игорь Владимирович, — зарождается в самом раннем возрасте. Начиная с двух-трех лет, вместе с игрушками ребенок осваивает книгу. В юном возрасте, конечно, еще трудно отличить хорошую книгу от плохой, настоящая любовь к литературе, глубокое знакомство с классикой приходят гораздо позднее, и здесь многое зависит от школьного воспитания. В иных школах классику, что называется, «проходят по программе». Изучение литературы нередко подменяется инструкциями, рекомендациями, штампами восприятия, отчего, например, замечательные слова Добролю-

— Я стремлюсь доказать ее непреходящую ценность. Может быть, это и не требует доказательств, но в последнее время очень многие режиссеры в кино и театре исправляют, «дополняют» классику. Художники каждого времени, бесспорно, находят в великой литературе что-то свое, отвечающее проблемам дня. Поднимают неосвоенные пласты произведения. Только больно, когда оригинал неосторожно перекраивается в угоду времени. Нет, я не склонен считать произведения чьим-то застывшим. Меняется психология людей, меняется их восприятие, и, живи сейчас Чехов или Гоголь, какие-то изменения они наверняка простили бы и приняли. Однако мера новшеств должна быть тщательно выверена, органична творчеству писателя.

Русский читатель имеет замечательную классическую литературу. Всю свою жизнь я отдал служению ей и не жалею об этом. Помню, ко мне обратился известный в свое время актер Илларион Николаевич Певцов с просьбой посоветовать ему что-нибудь для чтения с эстрады. Он жаловался, что вынужден читать запомнившееся еще со школьной поры: «Колокольчики мои, цветники степные! Что глядите на меня, темно-голубые?» Я посоветовал ему посмотреть «Историю Карла Ивановича» из «Отрочест-

сонажами, он полпред автора и обязан повествовать от его имени. Требуются характерные нюансы в изображении действующих лиц, но размытые. Ведь чтение с эстрады — это не спектакль, скорее разговор от своего имени, стремление оставить читателя наедине с писательским словом. Я предлагаю свою трактовку классического произведения, стараюсь найти в ней тонкости, на которые хотел бы обратить внимание людей, чтобы то, что дорого мне в произведении, не прошло мимо других. Но при этом стараюсь сохранить верность автору.

— Недавно на телеэкране состоялась премьера Вашей новой передачи, где Вы читали рассказы Чехова, в частности «Душечку», к которой наше телевидение уже обращалось. Почему Вы, Игорь Владимирович, решили еще раз, по-своему, прочитать телезрителям этот чеховский рассказ, что хотели выделить в нем?

— Экранизация почти десятилетней давности не кажется мне удачной. Создатели ее звали то, чего нет у Чехова: бесконечные переодевания героини, вплоть до демонстрации ее ночных туалетов. За всем этим утерялось главное — мысль о потребности героини любить. Для Душечки любовь — смысл существования. Толстой говорил, что Чехов хотел посмеяться над Душечкой, но «бог поэзии» не позволил ему. Автор хотел посмеяться над женщиной, которая всецело живет делами близкого человека, а оказалось, что это не смешно, может быть, и даже естественно. А главное в рассказе Чехова то, что без любви Душечка не могла жить. В одном из зрительских писем, которые я получил после передачи «Душечки», шуточно говорилось: «...не сообщите ли Вы мне: жива ли теперь эта Оленька. Если жива, то я бы взял отпуск, поехал к ней и ноги бы ей целовал».

Чеховские рассказы на первый взгляд очень просты. Но если увлечься первым впечатлением, пропадут те тонкости и полутонна, за которыми стоит вторая план обыденной истории. В то время как Гоголя невозможно читать или играть на полтонах, у него все должно быть ярко, выпукло, но обязательно серьезно. Ведь вот Хлестаков — он сам пугается, сомневается, на минуту начинает верить в свое вранье, и все искренне. Такой же правды переживания и яркости требует драматургия Островского.

Порой мне, откровенно говоря, бывает больно за глухоту много слушателя или читателя, которого не волнует неповторимая авторская интонация, настроение, глубокая мысль. Помню, несколько лет назад во Дворце искусств в Ленинграде я выступал с чтением «Старосветских помещиков». Мне казалось, что меня внимательно слушали и понимали все, что я хотел донести. Но после концерта ко мне за кулисы пришел незнакомый человек и заявил: «Зачем вы это читаете? Нам скучно слушать про каких-то помещиков, обывателей. Это издевательство над публикой. Вы испытываете ее терпение...» Как походили его слова на давнее предостережение И. Н. Певцова! Я очень расстроился, но потом пришел другой слушатель и стал благодарить. Мне было интересно с ним разговаривать, потому что он понял, что в «Старосветских помещиках» главное — любовь старичков друг к другу, чувство, которое они пронесли через всю жизнь. Мой первый посетитель «пришел» в школе классическую литературу, не научившись разговаривать с ней, и, вероятно, сегодня ему по душе адаптации великих произведений. Читая Чехова или Гоголя, я обращаюсь не к нему, а ко второму, благодарному моему слушателю.

Вела беседу
Татьяна ЛОТИС

СПРАШИВАЕМ — ОТВЕЧАЮТ...

бова о Катерине — «луч света в темном царстве» — теряют всякий смысл, потому что стали скучной формулой, легкой отмычкой к великому произведению русской драматургии. Или другая формула: «Онегин — лишний человек...» Она уже стала до такой степени общим местом, что подростку заранее скучно читать пушкинский роман, пытаться самому его осмыслить. Это беда не только школьного, но подчас и вузовского преподавания литературы.

Мне кажется, что формальное отношение к классике — в школе или вузе — заслоняет ее от человека. Но возник и еще один институт заслона — адаптированное изложение литературного произведения на телеэкране. Каким образом при огромном потоке телепередавок классики отличить истинные произведения искусства от чепухи? В популярности телевидения надо видеть две разные стороны медали, размышляя о том, друг оно литературе или враг ее. Однажды я спросил своего сына, читал ли он «Повесть о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем»? Сын ответил: «Не читал, но я это знаю». Оказывается, он знает — благодаря телевидению. Безусловно хорошо, что бесмертное гоголевское произведение инсценировано. Особенно для школьников, которым ежегодно рекомендуют по программе прочитать такой объем литературы, на какой и взрослому-то человеку не хватило бы года, тем более для того, чтобы как-то осмыслить прочитанное. Только писались-то эти книги не для того, чтобы их «проглатывали» в разжеванном виде, а для чтения глазами, и это, мне кажется, очень важно. Многие произведения даже с эстрады читать бессмысленно. Например, гениальный финал гоголевской «Коляски». Я считаю, что к нему можно прикасаться только глазами. Или лермонтовская «Тамань»... Не для голоса, мне кажется, написана и пушкинская проза. Я не против экранизаций. Весь вопрос в том, как они сделаны, не являются ли «комиксами», сокращенными вариантами фабулы, информацией о главных событиях литературного первоисточника и о его основной мысли. И все-таки: даже самые лучшие экранизации литературных произведений не заменят личного, без посредника, общения с книгой.

— Однако Вы продолжаете работать с классической литературой!

Игорь ИЛЬИНСКИЙ:

СОХРАНИТЬ ВЕРНОСТЬ

ва» Л. Н. Толстого, потому что сам хотел читать эту вещь, но боялся. Певцов подумал-подумал и сказал, что это будет, пожалуй, испытанием терпения публики, что никто не захочет слушать грустный рассказ немца-губернера в течение двадцати-тридцати минут.

Этот разговор меня раздорила. Я три месяца бился над главой Толстого и выступил с ней впервые в Ленинградском политехническом институте. Пока читал, мне казалось, что публика шепчется, что все это и впрямь никому сегодня не нужно. Но по реакции зала после выступления я понял, что рассказ все-таки был интересен слушателям. Подобные чувства — сомнения и удовлетворенность — испытываю иногда и сейчас, когда вроде бы окончательно убедился в том, что глубокие страницы русской литературы, жаркие ее глаголы не утратили способность обжигать души людей. Волнения связаны еще и с тем, что я продолжаю в этом плане экспериментировать.

— Я как раз хотела, чтобы Вы рассказали об одном своем эксперименте — телепередаче «Эти разные, разные, разные лица» по рассказам Чехова. Как Вам пришла мысль сыграть двадцать четыре острохарактерные роли!

— «Все — случаем», как говорил один из моих театральных героев Иван Александрович Хлестаков... Когда мы с режиссером Ю. Сааковым заканчивали работу над телевизионной поэтической передачей «Наедине со словом», моему коллеге пришла в голову мысль: не попробовать ли мне на телевидении сыграть в одной постановке несколько ролей. В кино у меня такой опыт уже был — в фильме «Однажды

летом» я играл две роли. Я люблю Чехова, давно читаю его произведения с эстрады. Так как в рассказах Чехова герои, как правило, острохарактерные, мы решили остановиться на них. Это была необыкновенно интересная работа и сложная, потому что играть приходилось без партнера. В процессе постановки я часто забывал, что сам себе партнер. Меня увлекло в чеховских рассказах разнообразие людей, типов, характеров, ситуаций. Правда, времени эта работа потребовала очень много — ведь до съемок требовалось найти грим и костюм каждого персонажа.

Что-то и сейчас мне кажется в том эксперименте удачным, а что-то, думается, я сделал бы по-другому. Пожалуй, ошибкой было то, что я сам был еще и рассказчиком, а он, к сожалению, уступает в нашем фильме яркости персонажей. Но вместе с тем благодаря принципу «чтения» что-то выиграло и зазвучало по-новому. Оглядываясь назад, я вижу, что все-таки слишком увлекся внешним перевоплощением, не давая возможности рассказчику минимумом красок представить своих персонажей. Может быть, я еще вернусь к этому опыту, учтя все «за» и «против».

— Чтение, вероятно, оставляет слушателю большую свободу воображения и самостоятельного осмысления!

— Несомненно, разница огромная. При чтении совершенно не обязательно перевоплощаться в героя, что даже может помешать. Я считаю, что чтец должен быть лаконичным в отборе выразительных средств. Ему необходимы лишь обобщающие детали, а в целом он должен находиться над пер-